

УДК 327.8(470+571+1-925.2/.3)
DOI: 10.36979/1694-500X-2024-24-11-216-223

РОССИЯ КАК «ОГРАНИЧЕННЫЙ МАКСИМИЗАТОР» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ И УЯЗВИМОСТИ

Н.С. Таткало

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что специфика взаимодействия России со странами Центральной Азии с 2000-х гг. может быть интерпретирована с помощью концепции «ограниченного максимизатора», согласно которой рациональное поведение актора, ведущее к получению максимальной выгоды, основано на приоритизации общих интересов путем ограничения собственных узкочастных устремлений. В свою очередь, результаты проведенного анализа вторичных источников и медиа-анализа свидетельствуют о том, что данная стратегия, имея положительные стороны, связанные с формированием позитивного образа России как на уровне политического истеблишмента государств региона, так и населения, является уязвимой в силу многовекторной политики центральноазиатских республик с точки зрения сложностей получения Россией поддержки по значимым внешнеполитическим шагам на мировой арене и детерминированных её военно-экономической мощью обязанностей по выполнению выдвигаемых странами региона условий взаимодействия.

Ключевые слова: Россия; государства Центральной Азии; «ограниченный максимизатор»; национальный суверенитет; многовекторность.

РОССИЯ БОРБОРДУК АЗИЯДАГЫ «ЧЕКТЕЛГЕН МАКСИМИЗАТОР» КАТАРЫ: КУЧТУУ ЖАКТАРЫ ЖАНА АЛСЫЗ ЖАКТАРЫ

Н.С. Таткало

Аннотация. Макалада 2000-жылдан тартып Россиянын Борбордук Азия өлкөлөрү менен өз ара аракеттенүү спецификасы «чектелген максимизатор» концепциясынын жардамы менен чечмелениши мүмкүн, ага ылайык максималдуу пайда алууга алып баруучу актордун рационалдуу жүрүм-туруму жеке тар умтулууларды чектөө аркылуу жалпы кызыкчылыктарды приоритеттештирүүгө негизделгендиги жөнүндө тезис белгиленет. Өз кезегинде экинчилик булактарды талдоонун жана медиа-талдоонун жыйынтыктары бул стратегия аймактын мамлекеттеринин саясий истеблишментинин деңгээлинде да, калктын деңгээлинде да Россиянын позитивдүү образын түзүүгө байланыштуу оң тарапка ээ болуу менен, Россиянын дүйнөлүк аренада маанилүү тышкы саясий кадамдар боюнча колдоо алуусундагы татаалдыктар жана региондун өлкөлөрү сунуштаган өз ара аракеттенүү шарттарын аткаруу боюнча анын детерминирленген милдеттердин аскердик-экономикалык кубаттуулугу көз карашынан алганда Борбордук Азия республикаларынын көп векторлуу саясатына ылайык аярлуу болуп саналарын ырастайт.

Түйүндүү сөздөр: Россия; Борбордук Азия мамлекеттери; «чектелген максимизатор»; улуттук суверенитет; көп вектордуулук.

RUSSIA AS A “CONSTRAINED MAXIMIZER” IN CENTRAL ASIA: STRENGTHS AND VULNERABILITIES

N.S. Tatkalo

Abstract. The article is drawn upon the argument that Russia's interaction with the Central Asian states since the 2000s can be interpreted through the concept of a “constrained maximizer”. In accordance with this concept, a rational behavior of an actor leading to the highest benefit is based on prioritizing common interests by limiting own narrow aspirations.

In turn, results of the analysis of secondary sources and media analysis indicate that this strategy, having favorable aspects associated with the formation of a positive image of Russia both at the level of political establishment and population of regional states, is vulnerable in the circumstances of a multi-vector policy of the Central Asian republics from the standpoint of Russia's difficulties in receiving their support for its significant foreign policy steps on the world stage, as well as in regard with determined by its military-economic power responsibilities to fulfill the conditions of interaction put forward by the countries of the region.

Keywords: Russia; Central Asian states; "constrained maximizer"; national sovereignty; multivectorness.

История взаимодействия России с государствами Центральноазиатского региона характеризуется длительным периодом сосуществования как в составе двух государственных образований с различными политическими и экономическими системами, так и в рамках наднациональных интеграционных объединений широкой (СНГ) и узкой (ОДКБ, ЕАЭС) направленности, а также в формате двустороннего сотрудничества.

Вместе с тем, первое десятилетие после распада СССР было отмечено взаимным дистанцированием и обоюдной ориентацией на страны Запада. Для России, воспринимавшейся как бывший авангард противостояния западному миру с его системой ценностей, на первый план вышла необходимость определения своего нового имиджа в формирующейся на основе доминирования неоллиберальной философии системе международных отношений. В свою очередь, государства Центральной Азии стремились диверсифицировать свои внешнеполитические и внешнеэкономические связи в целях позиционирования себя в качестве самостоятельных акторов мировой политики. Как результат, в этот период отношения между Россией и центральноазиатскими республиками характеризовались как «неблизкие, но и неввраждебные» [1, с. 254].

Ситуация изменилась в начале 2000-х гг., когда возглавляемые США страны Запада начали проводить на мировой арене политику, пренебрегающую принципами декларируемого ими либерального миропорядка:

- инициирование не санкционированных ООН военных операций в Югославии в 1999 г. и в Ираке в 2003 г., оправдываемых защитой прав человека в качестве универсальной ценности, позволяющей нарушать нормы международного права без наличия доказательной базы виновности политических режимов государств в инкриминируемых им преступлениях;

- принятие в НАТО новых членов из числа стран бывшего социалистического лагеря с последующим размещением на их территории военной техники, представляющей угрозу национальной безопасности России.

В этот период стали разрабатываться новые направления стратегического партнерства в российской внешней политике. Постсоветское пространство получило статус сферы привилегированных интересов России [2, с. 46]. В свою очередь, в экспертных и политических кругах Запада доминирующим дискурсом относительно разворота России в контексте процессов евразийской интеграции стал негативный нарратив воссоздания СССР и проведения «неоимперской» политики, якобы ограничивающей свободу государств постсоветского пространства во внутривнутриполитическом и внешнеполитическом измерениях [3, с. 252–254].

В данной статье обосновывается тезис о том, что действия России в регионе можно объяснить в категориях концепции «ограниченного максимизатора», раскрывающих: а) сильные стороны позиции России по обеспечению собственной безопасности и развития через содействие развитию и безопасности центральноазиатских республик; б) уязвимости позиции России в системе балансирования стран Центральной Азии между внешними акторами.

Суть концепции, разработанной Д. Готиером, состоит в том, что максимальная выгода отдельного актора может быть достигнута им путем соблюдения норм морали, которые нацелены на гарантирование равных возможностей всем акторам взаимодействия посредством ограничения их корыстных интересов. Соответственно, лимитирование узкочастного интереса актора для достижения общего блага, проявляющееся в его отказе от улучшения своего положения за счет ухудшения позиций других, выступает рациональным поведением, поскольку способствует максимизации его личных выгод [4, с. 93–94].

Проведение внешнеполитического курса согласно принципам «ограниченного максимизатора» обуславливает сильные позиции России в регионе по ряду направлений. **Первое направление – сфера безопасности.** Россию в контексте принципов «ограниченного максимизатора» отличает обусловленность обеспечения и поддержания безопасности требованием соблюдения национального суверенитета в рамках норм международного права [5]. В этом отношении показательно функционирование Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), в которой Россия занимает лидирующую позицию, что, однако, проявляется не в оказании давления на действия государств-членов, а в attractiveness для последних российской военной техники и российского военного образования, доступного в рамках различных стипендиальных программ [6, с. 23]. Приверженность России принципу невмешательства во внутривнутриполитические процессы стран-участниц ОДКБ в полной мере обозначилась в кейсе стабилизации общественно-политической ситуации в Казахстане в январе 2022 г., вовлеченность организации в которую была основана на официальном запросе президента республики К-Ж. Токаева. Операция, в ходе которой были задействованы Коллективные силы оперативного реагирования ОДКБ, завершилась оперативным сворачиванием присутствия военных контингентов стран-участниц ОДКБ на территории Казахстана после выполнения поставленных им тактических задач.

Данный подход контрастирует с либеральным подходом стран Запада, сводящимся к тому, что разрабатываемые программы по восстановлению мира и стабильности обуславливаются требованиями по защите прав меньшинств и демократизации политических систем государств, находящихся в состоянии турбулентности, а реализация этих программ предполагает долгосрочную дислокацию международных полицейских миссий в зоне конфликта [5]. Более того, имеются доказанные факты вовлечения западных военных в коррупционные схемы взаимодействия с руководством государств, на территориях которых расположены военные базы их дислокации. Так, американская авиабаза

в аэропорту «Манас» заключала контракты на поставку топлива с фирмами, аффилированными с родственниками экс-президентов Кыргызстана А. Акаева и К. Бакиева [7, с. 137].

Второе направление – политическое измерение. Активизация взаимодействия центральноазиатских республик с Россией, проявившаяся в том числе в расширении коммуникации на уровне президентов, парламентариев, министерств и ведомств, зачастую получает негативную интерпретацию отдельных западных и отечественных экспертов в контексте того, что государствам Центральной Азии, по их мнению, навязываются образцы и логика российского законодательства, которое нацелено на ограничение прав человека. Сам механизм «навязывания» объясняется через якобы сохраняющееся до настоящего времени существенное влияние советской системы согласования республиками с Москвой разрабатываемых ими нормативно-правовых актов [8, с. 65]. При этом среди последних акцент делается прежде всего на законопроектах, регламентирующих: а) нормы поведения представителей ЛГБТ-сообществ; б) иностранное финансирование общественных организаций и физических лиц, осуществляющих общественную деятельность; в) распространение фейковой информации.

Данный аргумент о «навязывании» несостоятелен ввиду того, что принимаемые в России законодательные акты нацелены на регулирование российских внутренних общественно-политических реалий. Соответственно, адаптация российского опыта входит в зону ответственности и приоритетов самих региональных государств. В частности, сравнительный анализ Федерального Закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 2006 г. с Законом Кыргызской Республики «О защите от ложной и недостоверной информации» от 2021 г. [6, с. 21] не может объяснить контекст, а именно: почему Кыргызстан принял данный закон только по прошествии 15 лет после его утверждения в России, а также не учитывает условия, в которых он был первоначально инициирован – проявления в медийном пространстве общественного недовольства политикой прежнего руководства республики по

решению социально-экономических проблем, обусловленных пандемией COVID-19.

В дискурсе «навязывания» западными экспертами осуществляется и вывод корреляций между российской и центральноазиатскими моделями функционирования институтов политической власти. Необъективность устанавливаемых зависимостей проявляется на примере политических процессов по транзиту власти в Кыргызстане в 2017–2019 гг. и Казахстане в 2019–2022 гг., где российская модель, подразумевающая в логике западного экспертного сообщества сохранение действующим президентом стратегических позиций в политическом поле при передаче номинальной власти другому лицу, не была имплементирована. При этом массовые протесты, которые финализировали процесс передачи власти в обеих республиках «номинальным» преемникам действовавших президентов, выстраивавших конструктивные отношения с Россией, не привели к ухудшению последних, что можно рассматривать в качестве свидетельства невмешательства Москвы во внутривнутриполитические процессы этих государств с точки зрения оказания поддержки лояльному ей политическому актору.

Вместе с тем, присуждение в 2015 г. Государственным департаментом США звания «Защитник прав человека» Азимжану Аскаркову, отбывающему уголовное наказание за разжигание межэтнической розни, было оценено руководством Кыргызстана как непосредственное вторжение во внутренние дела государства и привело к односторонней денонсации официальным Бишкеком Соглашения с правительством США относительно сотрудничества по облегчению оказания содействия и последующей резистентности политических лидеров республики к инициативам американской стороны о подписании нового соглашения.

Третье направление – экономическое взаимодействие. В западной аналитической мысли распространен тезис о том, что Евразийский экономический союз (ЕАЭС) используется Россией как инструмент оказания давления на государства-члены в целях обеспечения себе статуса международного тяжеловеса [9, с. 1]. Данный аргумент представляется нецелесообразным по

трем причинам. Во-первых, институционализированное экономическое взаимодействие в рамках интеграционного объединения лимитирует влияние России ввиду того, что: а) четко очерчиваются границы углубления интеграции; б) определяются общеобязательные правила.

Во-вторых, несмотря на то, что Россия, согласно экономическим показателям, обладает самой мощной экономической базой среди стран-участниц ЕАЭС, (в 2023 г. 87,5 % ВВП Союза приходилось на Россию [10]), принятие ключевых решений в Евразийской экономической комиссии осуществляется на консенсусной основе. Соответственно, экономическое взаимодействие в ЕАЭС выстраивается на основе взаимовыгодного равноправного партнерства и уважения принципа национального суверенитета государств-членов как условия достижения долгосрочного сотрудничества.

В-третьих, в контексте инициативы «Большой Евразии» страны ЕАЭС имеют возможность выстраивать экономические связи с любым актором, исходя из своих национальных интересов, но при соблюдении правил Союза [11, с. 119]. Так, Казахстаном было подписано Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве с Европейским союзом (ЕС). Подобные соглашения исключают положения о регулировании торговой политики, что не противоречит уставным документам ЕАЭС о регламентации данной сферы наднациональными органами Союза. Кроме того, две центральноазиатские республики – Казахстан и Кыргызстан – реализуют масштабные проекты совместно с Китаем в рамках инициатив проекта «Один пояс – один путь».

Данная логика функционирования ЕАЭС диссонирует с реализуемой странами Запада политикой в отношении региона, основанной на требованиях проведения форсированных реформ по либерализации экономики и демократизации политических систем в рамках условий Вашингтонского консенсуса для получения финансовой помощи в виде кредитов. По сути, данные условия имеют политико-экономическую сущность, не учитывают конъюнктуру стран региона и предполагают прямое вмешательство в политику государств.

Четвертое направление – социально-культурные установки. Согласно ряду экспертов, исследующих инструментарий российской внешней политики, одним из главных преимуществ России, в сравнении другими внешними акторами, активными в Центральной Азии, является ее нормативное влияние. К числу разделяемых в регионе норм, транслируемых российским руководством, М. Ларуэль, в частности, относит:

- приоритет национального суверенитета, который рассматривается в качестве высшей ценности на мировой политической арене;
- основа легитимности политического режима – обеспечение единства нации;
- баланс между отстаиванием интересов отдельного индивида и приверженностью коллективным ценностям семьи и нации / государства [12].

Данные ценностные установки перекликаются с ценностным кодом населения региона. В частности, согласно проводимым социологическим опросам в среде трудовых мигрантов, последние в своем большинстве дают положительную оценку внутренней политике России в трех моментах: а) меры по оказанию поддержки социально-уязвимым слоям населения как проявление государственной мощи и политической воли руководства; б) более высокая оплата труда и более широкий спектр возможностей трудоустройства как индикатор экономической мощи России; в) знакомые и понятные «правила игры» на российском рынке труда и наличие разветвленных социальных сетей соотечественников [13, с. 114]. В широкой социальной интерпретации положительные характеристики России связываются с транслированием традиционных ценностей и неприятием в качестве нормы поведения представителей ЛГБТ-сообществ [8, с. 65].

Однако уязвимым моментом политики России в контексте концепции «ограниченного максимизатора» выступает многовекторная внешняя политика центральноазиатских республик, основы которой были заложены в первые годы после распада СССР – в период, когда Центральная Азия стала аттрактивным регионом для большого числа внешних акторов, и, которая,

по сути, является политикой «неограниченного максимизатора».

Сущность многовекторности, согласно С. Майстеру, состоит в имплементации центральноазиатскими республиками «стратегии интеграции и страхования» – лишенная идеологической принципиальности институциональная / неинституциональная кооперация с внешними акторами, предотвращающая установление доминирования кого-либо из них [14, с. 309]. В этих условиях государства региона могут проявлять резистентность в отношении действий внешних игроков путем выборочной приоритезации взаимодействия с ними, исходя из геополитических реалий и своей актуальной внутривекторной конъюнктуры [15, с. 9].

Специфика проблематики положения России в этой системе координат детерминирована тем, что Центральноазиатский регион является одним из приоритетных направлений российской внешней политики, поддержка в котором позволяет ей укреплять свои позиции в мировой политике [15, с. 51]. В этом аспекте рельефно выделяется подчеркнуто «нейтральный» официальный оценочный дискурс республик Центральной Азии по трем важным событиям внешней политики России в фокусе активного противостояния с Западом: а) признание независимости Абхазии и Южной Осетии в 2008 г.; б) признание юрисдикции России над Крымом с 2014 г.; в) объективная необходимость инициирования специальной военной операции в Украине – все данные события интерпретировались в регионе через общепризнанные клише, призывающие соблюдать территориальную целостность государства, разрешать конфликты дипломатическими средствами и стремиться к скорейшему восстановлению мира.

На двустороннем уровне центральноазиатские государства в отношении России используют ту же политику торга, что и в отношении других акторов [14, с. 310]. В сфере экономики наиболее ярким примером обусловленности взаимодействия с Россией является вступление Кыргызстана в ЕАЭС. В двустороннем порядке Москва выделила республике 200 млн долларов на создание необходимой инфраструктурной базы испытательных лабораторий и поддержала

Таблица 1 – Кейсы уступок России центральноазиатским республикам в сфере безопасности

Республика	Год	Суть уступок	Итоги
Кыргызстан	2009	Кыргызстану был предоставлен кредит в 300 млн долларов и грант в 150 млн долларов на фоне озвученных руководством республики требований к США вывести американскую военную базу из аэропорта «Манас»	Пролонгация договора о дислокации авиабазы России в рамках соглашений ОДКБ в Канте на период до 2058 г.
	2012	Кыргызстану была списана основная часть государственного долга перед Россией в условиях заявлений руководства республики о задолженности России за дислокацию военных объектов на территории Кыргызстана	Создана объединенная российская военная база, в состав которой входят четыре военных объекта России, дислоцированных на территории Кыргызстана с установленной ежегодной арендной платой в 4,5 млн долларов
	2017	Кыргызстану был полностью списан государственный долг перед Россией в условиях обозначенных руководством республики намерений не пролонгировать соглашение о дислокации российской авиабазы в Канте после 2058 г.	Снятие вопроса с повестки двусторонних отношений
Таджикистан	2004	Таджикистану был списан государственный долг перед Россией, проинвестировано строительство Сангтудинской ГЭС	Преобразование в военную базу дислоцированной на территории Таджикистана 201-й мотострелковой дивизии без взимания арендной платы
	2012	Таджикистан получил гарантии оказания ему военно-технической помощи со стороны России, рассчитанной на период до 2025 г., в условиях требований республики получить денежную (в форме арендной платы) или военно-техническую компенсацию за дислокацию 201-й военной базы	Пролонгация договора о дислокации 201-й военной базы на период до 2042 г.
Узбекистан	2016	Узбекистану была списана основная часть государственного долга перед Россией на фоне активизации взаимодействия республики с США и странами НАТО в контексте вывода войск международной коалиции из Афганистана	Прекращение работы Бюро НАТО по связям и взаимодействию со странами Центральной Азии

формирование Кыргызско-Российского фонда развития с уставным капиталом в 500 млн долларов в качестве инструментов адаптации экономики Кыргызстана к новым интеграционным реалиям в условиях неизбежности сокращения товарооборота, прежде всего с Китаем, учитывая существовавшие большие объемы реэкспорта.

В сфере безопасности таких кейсов «торговой игры» в истории российско-центральноазиатских отношений больше в силу важности для России вопроса обеспечения стабильности в регионе, близкого к Афганистану и выступающего перекрестком интересов большого числа внешних акторов. В целях обоснования данного

аргумента был проведен медиа-анализ материалов самых цитируемых по версии портала «Медиагология» российских информационных ресурсов – РИА Новости, Интерфакс, РБК, Sputnik [16], представляющий собой поиск по заданным словам в поисковиках указанных ресурсов материалов, касающихся военного взаимодействия России и стран региона. В систематизированной форме результаты анализа можно представить в виде таблицы 1.

Таким образом, анализ проводимой Россией в Центральной Азии политики через фреймы концепции «ограниченного максимизатора» позволяет обозначить ряд положительных моментов. Во-первых, военное присутствие России

в государствах региона характеризуется акцентом на принципе невмешательства в их внутривнутриполитические и внешнеполитические процессы, а также на создании атмосферы доверия и профессионального взаимопонимания между военнослужащими. Во-вторых, Россия служит положительным примером для центральноазиатских стран как на уровне политических элит, ориентирующихся в практике законотворчества на нормативно-правовые акты, разработанные в России, так и населения, положительно оценивающего ее уровень социально-экономического развития и отмечающего схожесть культурного кода. В-третьих, процессы евразийской экономической интеграции демонстрируют возможности конструктивного взаимодействия и партнерства в рамках институционализованного интеграционного объединения в противовес дискредитировавшей себя либеральной обусловленной интеграции в мировую экономику, предлагаемой Западом.

Однако «стратегия интеграции и страхования», используемая государствами региона во взаимоотношениях со всем внешними акторами, выкристаллизовывает главную уязвимость проводимой Россией политики, проявляющуюся в том, что ее военно-экономический вес не гарантирует ей привилегированное положение, а налагает на нее обязательства по выполнению условий, выдвигаемых странами региона. Вместе с тем, учитывая, что достижение абсолютно положительного результата в условиях политики многовекторности центральноазиатских республик невозможно априори, наличие обозначенных положительных результатов российской политики в регионе может свидетельствовать о ее перспективности с точки зрения возрастания вероятностей приоритизации России при балансировании государств Центральной Азии между внешними игроками.

Поступила: 18.07.24; рецензирована: 02.07.24;
принята: 04.07.24.

Литература

1. *Keller S.* Russia and Central Asia: Coexistence, Conquest, Convergence / S. Keller. Toronto: University of Toronto Press, 2020. 346 p.
2. *Perović J.* Russia's Eurasian Strategy / J. Perović // Strategic Trends-2019/ Key Developments in Foreign Affairs. Center for Security Studies. Zurich, 2019.
3. *Gvosdev N.* Russian Foreign Policy: Interests, Vectors and Sectors / N. Gvosdev, C. Marsh. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc., 2014. 456 p.
4. *Gauthier D.* Justice as Mutual Advantage / D. Gauthier // Contemporary Political Theory. A Reader. London, Thousand Oaks: SAGE Publications Inc., 2004.
5. *Indeo F.* The Role of Russia in the Central Asian Security Architecture / F. Indeo // OSCE Academy Policy Brief. 2018. № 48. URL: https://osce-academy.net/upload/file/PB48The_Role_of_Russia_in_the_Central_Asian_Security_Architecture.pdf (дата обращения: 04.04.2024).
6. *Шаршенова А.* Влияние России в Кыргызской Республике / А. Шаршенова // Ежегодный сборник аналитических статей Академии ОБСЕ в Бишкеке. Бишкек, 2021.
7. *Toktomushev K.* Kyrgyzstan – Regime Security and Foreign Policy / K. Toktomushev. Abingdon: Routledge, 2017.
8. *Lewis D.* Reasserting Hegemony in Central Asia: Russian Policy in Post-2010 Kyrgyzstan / D. Lewis // Journal of International Relations. 2015. № 3.
9. *Yeliseyev A.* The Eurasian Economic Union: Expectations, Challenges, and Achievements / A. Yeliseyev // The German Marshall Fund of the United States Policy Paper. May 2019. № 10. 25 p.
10. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник. Евразийская экономическая комиссия. М., 2023. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/cd4/Brief_Statistics_Yearbook_2023.pdf?ysclid=lw3gsvadjx519600323 (дата обращения: 24.04.2024).
11. *Акматалиева А.М.* Инициатива «Большая Евразия» как попытка геостратегического позиционирования России в XXI веке / А. Акматалиева // Вестник КРСУ. 2019. Т. 19. № 11.
12. *Laruelle M.* Assessing Russia's Normative Agenda in Central Asia / M. Laruelle // Bishkek Project, March 2017. URL: https://www.academia.edu/32326084/_Assessing_Russias_Normative_Agenda_in_Central_Asia_Bishkek_Project_March_2017 (дата обращения: 17.04.2024).
13. *Urinboyev R.* The Political Economy of Non-Western Migration Regimes Central Asian Migrant Workers in Russia and Turkey / R. Urinboyev, S. Eraliev. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 192 p.

14. *Meister S.* Hedging and Wedging: Strategies to Contest. Russia's Leadership in Post-Soviet Eurasia / S. Meister // *Regional Powers and Contested Leadership*. Cham: Palgrave Macmillan, 2018.
15. *Cooley A.* Great Games, Local Rules / A. Cooley. New-York: Oxford University Press, 2012. 272 p.
16. Федеральные СМИ: март 2024 // Медиалогия. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/media/federal/13032/> (дата обращения: 28.04.2024).